

УДК 821.161.1.09 + 398

DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-2-227-234

**Фольклорные мотивы как способ национально-культурного
определения в поэме О. Мишина (А. Хийри) «Карельский дом»**

М. В. Казакова

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,
mvk-2013@bk.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье анализируется взаимодействие фольклорной и литературной художественных систем как способа создания национально-обусловленного пространства текста, диалогичность которого на уровне языков (финский / карельский), культур (финская / карельская), истории судеб (трагическое расставание с родным домом, «малой родиной» из-за вынужденной эвакуации во время войны) приводит к осознанию своей этнической самости, определению своего места в поликультурном мире.

Цель: исследовать специфику авторской репрезентации устного народного творчества карелов в финноязычной поэме О. Мишина (А. Хийри) «Karjalainen talo» («Карельский дом») (1992) как способ раскрытия темы утраты/возвращения национального самосознания.

Материалы исследования: поэма О. Мишина (А. Хийри) «Карельский дом» на финском языке, труды отечественных исследователей.

Результаты и научная новизна. Актуальность заявленной темы обусловлена интересом к осмыслению феномена поиска национальной идентичности в литературе Карелии, создаваемой писателями разных этнических групп: карелами, вепсами, финнами, русскими. В статье впервые анализируются фольклорные мотивы, представленные в поэме «Карельский дом» как способ определения национально-культурного кода карелов. В работе нами установлено, что история карельского народа проецируется в поэме на образ традиционного карельского дома, наделённого атрибутами многомерного национально-маркированного пространства, что помогает в своей совокупности воссоздать духовную картину мира карелов. Осознание своей национальной идентичности происходит путём возвращения к первоистокам через повторное переживание трагедии своего народа. Ощущение маргинальности сменяется новым взглядом на мир и на самого себя. Насыщенность текста художественного произведения фольклорными образами, мотивами, средствами выразительности соединяет настоящее и прошлое героини и карельского народа, даёт возможность говорить о ревитализации карельского культурного кода.

Ключевые слова: фольклорные мотивы, национальная идентичность, О. Мишин (А. Хийри), литература Карелии, духовная картина мира, карелы, карельский дом, ревитализация

Для цитирования. Казакова М. В. Фольклорные мотивы как способ национально-культурного определения в поэме О. Мишина (А. Хийри) «Карельский дом» // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 227–234.

**Folklore motifs as a way of national and cultural self-determination in the
O. Mishin's (A. Hiiri) poem «The Karelian House»**

M. V. Kazakova

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation,
mvk-2013@bk.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article analyzes the interaction of folklore and literary art systems as a way of creation of nationally determined text space, the dialogicity of which at the level of languages (Finnish / Karelian), cultures (Finnish / Karelian), the history of destinies (tragic parting with the native home, “small homeland” due to forced evacuation during the war) leads to awareness of ethnic identity, determination of own place in the multicultural world.

Objective: to study the specifics of the author's representation of Karelian oral folk art in the Finnish-language poem by O. Mishin (A. Hiiri) «Karjalainen talo» («The Karelian House») (1992) as a way of revealing the theme of loss / return of national self-consciousness.

Research materials: the poem by O. Mishin (A. Hiiri) «The Karelian House» in the Finnish language, the works of domestic researchers.

Results and novelty of the research: the relevance of the theme is due to the interest in understanding the phenomenon of the search for national identity in the literature of Karelia, created by writers of different ethnic groups: Karelians, Veps,

Finns, and Russians. The article analyzes for the first time the folklore motifs presented in the poem "The Karelian House" as a way of determination of the national and cultural code of the Karelians. In the work we have found that the history of the Karelian people is projected in the poem onto the image of a traditional Karelian house endowed with the attributes of a multidimensional nationally marked space, which helps in its entirety to recreate the spiritual picture of the Karelian world.

Awareness of national identity occurs by returning to the original sources through reliving the tragedy of native people. The feeling of marginality is replaced by a new view of the world and native people in it. The richness of the text by folklore images, motifs, and means of expression connects the present and the past of the heroine and the Karelian people. It makes it possible to talk about the revitalization of the Karelian cultural code.

Key words: folklore motifs, national identity, O. Mishin (A. Hiiri), Karelian literature, spiritual picture of the world, Karelians, Karelian house, revitalization.

For citation: Kazakova M. V. Folklore motifs as a way of national and cultural self-determination in the O. Mishin's (A. Hiiri) poem «The Karelian House» // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2022; 12 (2): 227–234.

Введение

Устное народное творчество как основа национальной самобытности народа всегда служило источником вдохновения для литераторов. Уровни фольклорности художественных текстов, восприятие и интерпретация народного творчества в полотно художественного произведения зависят от многих факторов, в том числе от авторского замысла. «Практика литературного развития убедительно показывает, что ни одно сколько-нибудь значительное явление литературы немыслимо без опоры на вековой исторический, в том числе и эстетический опыт народа» [11, 7].

Характер взаимосвязей фольклора и литературы становился предметом изучения таких учёных, как М. К. Азадовский, Т. М. Акимова, В. Г. Базанов, М. М. Бахтин, П. С. Выходцев, А. А. Горелов, Э. Г. Карху, И. П. Лупанова, Д. Н. Медриш, А. Л. Налепин, В. Я. Пропп, которые выделяют теоретические и практические аспекты соприкосновения двух художественных систем, выстраивают методики анализа их взаимодействия.

М. К. Азадовский говорит о связи литературы и фольклора на идейном и художественном уровнях [1; 2], по словам Т. М. Акимовой, «поэтическая система народной поэзии привлекает внимание писателей своеобразием форм, отражением мироощущения народа, его представлений о жизни природы, человека и общества» [3, 18]. А. Н. Налепин в своём исследовании утверждает, что интерес к устному народному творчеству возрастает «в годы наивысшего социально-общественного подъёма, на стыке слома общественно-политических систем, когда возникает повышенный интерес общества именно к народной культуре, и народ как её носитель начинает осознаваться новой творческой силой истории» [12, 281]. Взаимоотношения литературы и фольклора изменяются в процессе исторического развития, их типологические связи выстраиваются в

зависимости от социокультурных факторов [16, 280–290].

Отметим также, что обращение писателей к фольклорной традиции особенно актуально в период становления художественной словесности народа, когда фольклорная традиция выступает в роли транслятора ценностно-духовных установок, позволяя актуализировать свою национальную самобытность в контексте уже сложившихся литературных традиций.

Современная литература Карелии развивается на четырёх языках: карельском, вепсском, финском и русском, при этом в процессе своей эволюции каждая из литератур развивалась неоднородно, асинхронно. Так, финноязычная литература Карелии начинает активно формироваться с 1920–1930-х гг. благодаря усилиям иммигрировавших финнов из Финляндии, США и Канады. Последующее поколение авторов-карелов, выходцев из Северных районов Карелии, говорящих на собственно-карельском наречии карельского языка, было вынуждено использовать в творческой деятельности финский язык, поскольку литературная норма карельского языка отсутствовала. Первые попытки создания литературного карельского языка на кириллической основе относятся ко второй половине 1930-х годов, когда стало необходимо сменить литературный язык с «неудобного» финского на родной карельский [8, 79–87]. В 1940-м г. было принято решение опять использовать в качестве второго литературного языка – финский. К вопросу создания литературного карельского языка уже на латинице вернулись в 1980-е г. [4]. В этот же период вновь заговорили и о ревитализации литературного вепсского языка, попытка создания которого «в 1930-е г. запомнилась её трагическим финалом: обвинениями в буржуазном национализме, уничтожением учебников и арестами интеллигентов как проводников идеи вепсской письменности и культуры» [10, 241]. Таким образом,

карелоязычная и вепсоязычная литературы начинают формироваться относительно недавно, в конце 1980-х г., когда культурное сообщество вновь обратило внимание на этническую уникальность народов СССР, сохранение их языка и культуры. Русскоязычная литература Карелии, являясь частью национальной литературы края и имея богатую фольклорную традицию, восходит в своей истории к великой русской литературе, но в Карелии фактически «как некая целостность сложилась к 1950 году» [10, 300].

Итак, к 1990-м гг. появилась возможность воплощения художественной словесности Карелии в четырёх литературных контекстах: финском, русском (уже имеющиеся) и карельском, вепском (зарождающиеся).

В статье мы обращаемся к творчеству писателя-билингва Олега Мишина (Армаса Хийри), который работал сразу в двух литературных контекстах, создавая лирические произведения на русском и финском языках. В поэме «*Karjalainen talo*» («Карельский дом») им впервые была предпринята попытка выйти за рамки двуязычного творчества, тем самым демонстрируя возможности карельского языка как языка художественного творчества.

Материалы и методы

Материалом исследования является поэма О. Мишина (А. Хийри) «*Karjalainen talo*» («Карельский дом») на финском языке, опубликованная в 1992 г. в сборнике стихотворений поэта «*Aika muuttuu meissä*» («Время изменяется в нас») [15].

Теоретическую базу работы составили труды отечественных и зарубежных исследователей, которые занимались изучением литературно-фольклорных связей [1; 2; 3; 11; 12; 18], культуры и традиций карелов и вепсов [4; 5; 13; 16], а также рассматривали процессы развития словесности прибалтийско-финских народов Карелии [6; 8; 10; 17]. В статье использованы биографический, сравнительно-сопоставительный, герменевтический методы исследования.

Результаты

Народный писатель Карелии Армас Иосифович Мишин (Олег Мишин – Армас Хийри) (1935–2018), финн-ингерманландец по рождению, с детства говоривший на финском языке, утратил его в силу вынужденной эвакуации семьи во время Великой Отечественной войны в Сибирь, где

прошли его детство и юность. Возвращение на родину в Ингерманландию стало невозможным и после войны, поскольку ингерманландцам запретили проживание на территории бывших поселений, а также в крупных городах. Выбор был сделан в пользу Карелии как территории с богатой финно-угорской культурой. Это и стало определяющим в дальнейшей судьбе А. И. Мишина. Он постепенно возвращает слова родного языка, культуру своего народа, становится билингвальным писателем, критиком, переводчиком. Мишин входит в литературу края во второй половине 1950-х как русский поэт Олег Мишин и лишь спустя десятилетие выступает перед читательской аудиторией и со стихотворениями на финском языке, которые стал подписывать именем Армас Хийри. Здесь мы имеем дело с осознанным художественным билингвизмом, когда вся совокупность текстов автора на двух языках представляет собой интеркультурный союз, в основе которого лежит принцип диалогичности, при котором взаимодействие внутри текстов происходит как на уровне включения «чужой» лексики, этнопоэтизм, паремий, так и коннотативном, когда оригинальный текст приобретает новое значение благодаря переосмыслению его в контексте принимающей культуры [6, 345–351].

Многогранность таланта А. И. Мишина заключается не только в его творчестве на двух языках, но и в его литературно-критической, а также научной деятельности. Из-под пера кандидата филологических наук А. И. Мишина вышли два раздела в книге Э. Г. Карху «История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века» (1979), монография «Творчество Эльмера Диктониуса и проблемы шведоязычной литературы Финляндии» (1987), сборник статей «Весомость слов простых» (1982), посвящённый анализу переводов «Калевалы» на русский язык, «Путешествие в «Калевалу»» (1988), предназначенная для молодого поколения, а в 2001 г. монография «Фольклорные истоки «Калевалы»» (2001), написанная совместно с фольклористом Э. С. Киуру. Последняя знакомит читателя с этапами работы над «Калевалой», авторством и анализом особенностей собственного перевода эпоса на русский язык (1998), который был выполнен в соавторстве с Э. С. Киуру.

В течение всей своей научной и творческой деятельности Мишин старался передать читателям любовь и уважение к истории и культуре финно-угорских народов. Вдохновлённый устно-

поэтическим творчеством народа и «Калевалой», он подготовил цикл бесед на телевидении «Читаем «Калевалу», написал для Финского драматического театра пьесу «Стрела Похьетар» по мотивам «Калевалы», книгу для детей «Сампо» (1985), участвовал в создании сборника избранных песен знаменитого рунопевческого рода Перттуненов «Рода нашего напевы» (1985), подготовил к публикации сборник песен знаменитой ингерманландской плачеи Ларин Параске «Тростниковая свирель» (1986).

В своём литературном творчестве поэт тяготеет к лирической рефлексии, его герой останавливается и внимательно всматривается в происходящее вокруг.

Обратим внимание, что поэма «Karjalainen talo» («Карельский дом») – двуязычна: основу составляет финский текст, рассказывающий историю карельского народа в XX в., на карельском языке представлены внутритекстовые фольклорные вкрапления: пословицы, поговорки, обряды, обычаи, плачи, причитания.

В название произведения вынесено ключевое понятие «talo» (дом), вокруг которого сосредотачивается повествование. Дом в поэме – это и материальный объект культуры карельского народа (*astun kanssasi / yli korkean kynnyksen*¹ [15, 43] ‘перешагиваю с тобой / высокий порог’, *«läävä ja tallisen suojissa, / yhteisen katon alla»* [15, 47] ‘хлев и конюшня под его защитой, под одной крышей’) и модель культурного пространства, определяющего границы «своего» и «чужого» миров. «Свой» мир сосредотачивается внутри дома, наделён отличительными характеристиками *kestävä* [15, 45] ‘стойкий’, *«ruinen puhuva linna, / pyhä tukeva temppeli»* [15, 47] ‘деревянная говорящая крепость, святой прочный храм’. От внешнего, чужого мира дом отделён дверью, которая впервые закрывается на замок, когда его обитателей эвакуируют в иные края во время войны. С этого момента и начинается трагическая часть жизни семьи: *«Mummo, äiti ja veli, / talon tuleva isäntä, / kaksi siskoa nuorempaa / kuoli nälkään evakossa»* [15, 49–50] ‘Бабушка, мама и брат, / будущий хозяин дома, / две младшие сестры, / умерли от голода в эвакуации’. Придерживаясь фольклорной традиции, автор ведёт повествование о несчастной жизни девочки, начиная с момента ухода из собственного дома. Многие фольклорные сюжеты строятся вокруг ситуации

нарушения запрета уходить из дома, что, в свою очередь, приводит к проблеме, с которой герой должен справиться. Отсутствие личного желания покинуть дом, то есть фактического нарушения запрета, тоже является ситуацией отступления от правила и приводит к трагедии: *«Lasten kodista kotisi tuli»* [15, 50] ‘Детский дом твоим домом стал’. Разрыв с родным домом, своими корнями воспринимается как наказание за несоблюдение принятых традиций и наказывается вечной тоской, душевной болью: *«kotikaipuu ei haihtunut»* [15, 50] ‘тоска по дому не исчезла’.

Испытания судьбы заканчиваются, когда лирический герой вместе со своей любимой женщиной, отец которой построил этот дом, переступает порог старого карельского дома и окунается в его историю: трагическую (*«kylästä oli viety miehiä / Vain joku jäi eloon, / harvat palasivat kotiinsa»* [15, 57] ‘из деревни увели мужчин. / Только некоторые остались в живых, / редкие вернулись домой’) и счастливую (*«työ oli leikkinä, / leikki – työnä»* [15, 49] ‘работа была игрой, / игра – работой’). Судьба дома – это история всего карельского народа, который война оторвала от своей родной земли, разорвала семейные узы. Дом со временем восстанавливает свою самость, выпускает новых жителей, принимает их: *«Taloon tottunut / ääniinsä ja tapoihinsa»* [15, 54] ‘Дом привык / к их голосам и обычаям’, но и новые хозяева уважают принятые обычаи (*«ja samalla paikalla on / ikoni / kirjailtu pyyheliina / kehyksenään»* [15, 54] ‘и на том же месте / икона, / вышитым полотенцем / обрамлённая’).

Исследователи отмечают, что для карельского народа традиционным является смешение христианской и языческой картины мира, так и карельский дом встречает каждого гостя иконой в красном углу, но при этом его *«utelias ja huväntahtoinen kodinhaltijan pikkuväki»* [15, 45] ‘любопытные и доброжелательные маленькие духи-хозяева’ наблюдают за ними.

Согласно древним верованиям карелов, всё окружающее пространство наделено живой сущностью, воплощённой в виде духов-хозяев, которые могут быть как враждебными, так и добрыми по отношению к человеку, поэтому в обрядовую традицию карелов входят ритуалы, связанные с их задабриванием [5; 12]. В поэме «Karjalainen talo» духи-хозяева дома становятся

¹ Здесь и далее перевод с финского и карельского языков на русский выполнен М. В. Казаковой

хранителями памяти народа, оберегая его от забвения: «*Elävät ja tulevat elämään sittenkin, / kun meitä ei tule olemaan, / kun uusi sukupolvi astuu / karjalaiseen taloon*» [15, 45] ‘Живут и будут жить и тогда, / когда нас не станет, / когда новое поколение придёт / в карельский дом’. И поэтому герои входят в дом, поклонившись дважды, тем самым оказывая уважение его обитателям и следуя традициям предков.

Герой рассказывает историю жизни женщины, разрыва со своей землёй, родным домом и корнями. Человеку свойственно задаваться вопросом о месте и роли своей в мире, так и лирический герой ищет своё предназначение и находит, снова и снова возвращаясь к истокам. В поэме карельский дом символизирует центр мироздания, способный организовать и упорядочить хаос бытия, вернуть герою свою самость:

*Kun syttyvät tähdet,
tuntuu maalaistalo olevan
aivan keskellä
loputonta maailmankaikkeutta.* [15, 58]

Когда зажигаются звёзды,
деревенский дом кажется
совсем посредине
нескончаемой вселенной.

Дом детства близкого человека становится постепенно своим, он принимает его и дом принимает героя. Будущее и настоящее окрашиваются в более радостные тона. Мир вокруг героя обретает свет, звук. Наполняясь, он воскрешается, перерождается:

*maailma herää
ja itse aurinko nousee
sen elämäniloiseen,
vaativaiseen
ja juhlalliseen
kieuntaan.* [15, 58]

Мир просыпается
И само солнце поднимается
вслед за радостной,
требовательной
и праздничной
песней петуха.

Таким образом дом выступает символом души всего карельского народа, страдающей, но гото-

вой встретить своих хозяев. Он знаменует память народа: «*juuri tällaisessa talossa säilyy / kaunis karjalan kieli, / karjalan tunne ja mieli*» [15, 57] ‘именно в таком доме хранится / красивый карельский язык, / карельский дух и сознание’. Дом защищает его жильцов, а также хранит память о тех, кто его построил: «*ikkunan välisellä seinällä / valokuvia niistä, / jotka olivat asuneet täällä*» [15, 51] ‘на стене у окна / фотографии тех, / кто жил здесь’. Окружённый лесом и водой, он не даёт проникнуть внутрь никаким бедам и несчастьям, сберегая аутентичность культуры, доставшейся от карелов, живших здесь ранее. И поэтому «*iso maailma heijastuu sen ikkunoista*» [15, 58] ‘большой мир отражается от его окон’.

Родной язык как хранитель души карельского народа представлен в поэме не только содержательно, но и формально. О. Мишин (А. Хийри) создает многоголосье людей и исторических эпох за счёт попеременного использования карельской и финской речи. Финская и карельская сущности соединяются, образуя единую народную душу:

*Aika riensi, ei huoahtanut,
talvet ja kesät vaihtuivat.
Oma randu ei unohtunut
kotikaipuu ei haihtunut.* [15, 50]

Время бежало, не вздыхало,
Зима и лето менялись.
Свой берег не забывался
Тоска по дому не исчезала.

Художественный билингвизм как приём организации повествования играет здесь важную роль, соединяя личную трагедию с трагедией народа и страны в целом. Герой и народ обретают уверенность в будущем посредством карельского дома, построенного на родной земле руками предков, в котором по-прежнему хранится дух карельского народа и его язык:

*Maalaistalo – ihmeistä ihme,
puinen laulava laiva,
puinen puhuva linna,
pyhä tukeva temppeli.* [15, 57]

Деревенский дом – чудо из чудес,
деревянный поющий корабль,
деревянная говорящая крепость,
святой прочный храм.

В поэме дважды повторяются выше обозначенные строки, отсылающие нас к духовной культуре карелов, чьё устное народное творчество стало предметом исследования лишь во второй половине XIX в., но сохранилось в Карелии благодаря таким карельским домам, в которых все члены семьи жили под одной крышей, вели совместное крестьянское хозяйство, коротали время за работой, исполняя народные руны, рассказывая сказки, предания [14, 229–278].

Изолированность от внешнего мира позволило обеспечить сохранность культурного кода карельского народа, несмотря на проникновение чужеродных влияний, что подтверждается обилием в тексте поэмы фольклорных вкраплений на карельском языке.

По мнению Е. Н. Кремер [9, 311–312], которая исследует особенности взаимопроникновения иноязычной лексики в русскоязычный текст, такие вкрапления дают возможность раскрыть ментальное поле культуры, вступившей во взаимодействие с русской картиной мира, способствуют популяризации обеих культур. Соглашаясь с исследователем, отметим, что финский и карельский языки являются близкородственными, поэтому попеременное использование обоих языков в тексте создаёт сопредельный, смежный диалог внутри произведения, тем самым расширяя метальное значение контекста поэмы, выводя его за пределы лишь словесного наполнения в единую этнически-маркированную художественную картину, способную объединить культурный код прибалтийско-финских народов.

В размеренный эпический стиль финноязычной поэмы «*Karjalainen talo*», рассказывающей о прошлом и настоящем карельского дома и его обитателей, автор попеременно вставляет в текст паремии (общее количество – 19) на карельском языке. Использование малых фольклорных форм придаёт языку поэмы динамичность, погружает читателя в мир мудрого народного слова. Каждый жизненный цикл карельской семьи сопровождался применением практических знаний, полученных от предыдущих поколений, являясь ценностными ориентирами народа, на которые опирались карелы в своей повседневной жизни [19]. Благодаря обилию паремий в произведении автор воссоздаёт этнокультурное пространство дома, картину мировосприятия народа.

Проведя анализ паремий в произведении «*Karjalainen talo*», делаем вывод, что наиболее

их частотное употребление связано с семантикой «дом» («*Truba yllähpäi, ovi kylähpäi*» [15, 47] ‘Труба наверх, дверь в сторону деревни’), «хозяйственная деятельность» («*Kukoi ku meni yöpuul, / Mužikku meni metčäh*» [15, 46] ‘Когда пелух шёл на насест, / Мужик шёл в лес’), «пища» («*Kartohkas on puoli leibiä*» [15, 48] ‘Картошка – половина хлеба’), что объясняется авторской задачей по созданию культурно-исторического облика карельского народа.

Многие пословицы и поговорки представляют непреложные истины, народную мудрость и поэтому передаются из поколения в поколение, но некоторые «теряют свою актуальность вместе с изменениями условий, в которых родились и становятся архаизмами» [7, 5] так же, как и рождение новых происходит в период трансформации жизни народа под влияние внешних условий. Поэтому и вынужденная эвакуация с родных земель во время Великой Отечественной войны оставила в памяти народа свой трагический след: «*Mieron dorogal heiny ei kazva*» [15, 50] ‘На дороге жизни трава не растёт’.

Карельский народ славился своей песенной традицией, во многом на основе которой был создан эпос «Калевала». Лирические жанры фольклора (песни, плачи, причитания), использованные Мишиным (Хийри) в поэме, придают особый оттенок теме «скитания» народа, которая описана через собственную судьбу героини.

Поэтический язык как лирических, так и эпических песен насыщен параллелизмами, сравнениями, гиперболами и аллитерацией, которые также присутствуют в тексте «*Karjalainen talo*», отсылая читателя к традиционной песенной культуре карелов.

*Kun saapuisi surma suota myöten,
tulisi talvitietä pitkin,
sukat surmalle antaisit,
tauville – talvikindahat.* [15, 48]

Когда бы пришла смерть по болоту,
если пришла бы по зимней дороге,
носки смерти отдал бы,
болезни – зимние рукавицы

Представленный отрывок из поэмы сочетает в себе как карельский, так и финский языки, при этом содержит два синонимических параллелизма и аллитерацию в каждой строке.

Обсуждение и заключение

Насыщение текста произведения фольклорными компонентами говорит о высокой степени интертекстуальности поэмы, таким образом создаётся диалог языков (финский/карельский), культур (финская/карельская), текстов («Karjalainen talo»/«Калевала»). Воссозданный культурный пласт жизни карельского народа придаёт поэме образность (паремии) и напевность (аллитерация, параллелизмы). Подчеркнём также и тот факт, что использование в тексте поэмы фольклорных элементов связано с идейно-художественным замыслом автора, а именно, воссозданием судьбы карельского народа через историю

жизни героини, карелки по национальности, чьё детство и ранняя юность прошли в мире мудрого карельского слова, а последующая война и эвакуация из родных мест разделила её со своими корнями, своей «малой родиной». Путь к пониманию и принятию себя – долог, но заканчивается внутри карельского дома, который является оплотом сохранения культуры и традиций народа, являясь уменьшенной копией мира народного сознания.

В поэме Армаса Хийри «Karjalainen talo» («Карельский дом») воплощается идея единства народов Карелии на уровне языков, традиций, истории.

Список источников и литературы

1. Азадовский М. К. История русской фольклористики / под общ. ред. Э. В. Померанцевой. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин. просвещения РСФСР, 1958. Т. 1. 477 с.
2. Азадовский М. К. Литература и фольклор: очерки и этюды. Л.: Художественная литература, 1938. 293 с.
3. Акимов Т. М. О фольклоризме русских писателей: сборник статей / сост. и отв. ред. Ю. Н. Борисов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2001. 204 с.
4. Бойко Т. П. Ревитализация карельской письменности // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1 (178). С. 97–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.279.
5. Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы: исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. Ч. 1. 557 с.
6. Казакова М. В. Билингвальная картина мира в творчестве А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) (на примере авторского перевода) // Studia Litterarum. 2021. Т. 6. № 1. С. 338–353. DOI10.22455/2500-4247-2021-6-1-338-353.
7. Карельские пословицы и поговорки = Karjalazet sananlaskut da sananpiät / под ред. Н. А. Синицкой, Е. В. Филипповой, Г. Е. Леттневой. Петрозаводск: Периодика, 2009. 224 с.
8. Карху Э. Г. Общение культур и народов: Исследования и материалы по истории финско-карельско-русских культурных связей XIX–XX в. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории Кар НЦ, 2003. 231 с.
9. Кремер Е. Н. Этническая идентичность и национальное самосознание в пространстве художественного текста автора-билингва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С. 310–320.
10. 100 лет литературе Карелии: время, поиски, портреты / Маркова Е. И., Чикина, Н. В., Колоколова, О. А., Казакова, М. В. Петрозаводск: Периодика, 2020. 429 с.
11. Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики / под ред. Б. Ф. Егорова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980. 295 с.
12. Налепин А. Л. Два века русского фольклора: опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX–XX столетиях. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 502 с.
13. Народы Карелии: историко-этнографические очерки / отв. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск: Periodika, 2019. 752 с.
14. Прибалтийско-финские народы России / отв. ред.: Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. 670 с.
15. Hiiri A. Aika muuttuu meissä: Runoja. Runoelma. Petroskoi: Karjala, 1992. 68 p.
16. Karhu E. Isien sanoma: tutkielma karjalaisesta ja inkeriläisestä kansanrunoudesta. Petroskoi: VERSO, 2002. 316 p.
17. Kurkki T. Rajan kirjailijat: Venäjän Karjalan suomenkieliset kirjailijat tilan ja identiteetin kirjoittajina. Helsinki: SKS, 2018. 436 p.
18. Satuperinteestä nykyrunoon: suullisen perinteen ja kirjallisuuden yhteyksiä / Härmäläinen N., Karhu H., Vuorikuru S. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2019. 326 p.
19. Vuorela T. Kansanperinteen sanakirja. Porvoo: WSOY, 1979. 543 p.

References

1. Azadovskiy M. K. *Istoriya russkoi fol'kloristiki* [History of Russian Folklore]. Ed. by E. V. Pomerantseva. Moscow: Gosud. uchebno-pedagog. izd-vo Ministerstva prosveshcheniya Publ., 1958. Vol. 1. 477 p. (In Russian)
2. Azadovskiy M. K. *Literatura i fol'klor: ocherki i etyudy* [Literature and folklore: essays and sketches]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1938. 293 p. (In Russian)

3. Akimova T. M. *O fol'klorizme russkikh pisatelei* [About folklore of Russian writers]. Ed. by Yu. N. Borisov. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta Publ., 2001. 204 p. (In Russian)
4. Boyko T. P. *Revitalizaciya karel'skoj pis'mennosti* [Revitalization of Karelian writing]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2019, no. 1 (178), pp. 97–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.279. (In Russian)
5. Ivanova L. I. *Personazhi karel'skoi mifologicheskoi prozy: issledovaniya i teksty bylichek, byval'shchin, poverii i verovanii karelov* [Characters of Karelian mythological prose: research and texts of legends and beliefs of the Karelian people]. Moscow: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2012. Part 1. 557 p. (In Russian)
6. Kazakova M. V. *Bilingval'naya kartina mira v tvorchestve A. I. Mishina (Olega Mishina–Armasa Khiiri) (na primere avtorskogo perevoda)* [The bilingual picture of the world in the works of A. I. Mishin (Oleg Mishin – Armas Hiiri) (on the example of the author's translation)]. *Studia Litterarum* [Studia Litterarum], 2021, no. 6 (1), pp. 338–353. DOI 10.22455/2500-4247-2021-6-1-338-353. (In Russian)
7. *Karel'skie poslovitsy i pogovorki* [Karelian proverbs and sayings]. Ed. by N. A. Sinitskaya, E. V. Filippova, G. E. Lettieva. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2009. 224 p. (In Russian, Karelian)
8. Karkhu E. G. *Obshchenie kul'tur i narodov: Issledovaniya i materialy po istorii finsko-karel'sko-russkikh kul'turnykh svyazei XIX–XX vekov* [Communication of cultures and peoples: Research and materials on the history of Finnish-Karelian-Russian cultural ties of the XIX–XX centuries]. Petrozavodsk: Institut yazyka, literatury i istorii Kar. NC Publ., 2003. 231 p. (In Russian)
9. Kremer E. N. *Etnicheskaya identichnost' i natsional'noe samosoznanie v prostranstve khudozhestvennogo teksta avtora-bilingva* [Ethnic identity and national identity in the space of a bilingual author's literary text]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, seriya Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, series Educational Issues: Languages and Specialty], 2015, no. 5, pp. 310–320. (In Russian)
10. *100 let literature Karelii: vremya, poiski, portrety* [100 years of Karelian literature: time, searches, and portraits]. Markova E. I., Chikina N. V., Kolokolova O. A., Kazakova M. V. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2020. 429 p. (In Russian)
11. Medrish D. N. *Literatura i fol'klornaya traditsiya: voprosy poetiki* [Literature and folklore tradition: issues of poetics]. Ed. by B. F. Egorov. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta Publ., 1980. 295 p. (In Russian)
12. Nalepin A. L. *Dva veka russkogo fol'klora: opyt i sravnitel'noe osveshchenie podkhodov v fol'kloristike Rossii, Velikobritanii i SShA v XIX–XX stoletiyakh* [Two centuries of Russian folklore: experience and comparative coverage of approaches in folklore studies of Russia, Great Britain and the USA in the XIX–XX centuries]. Moscow: Institut mirovoi literatury Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2009. 502 p. (In Russian)
13. *Narody Karelii: istoriko-jetnograficheskie ocherki* [Peoples of Karelia: historical and ethnographic essays]. Ed. by I. Yu. Vinokurova. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2019. 752 p. (In Russian)
14. *Pribaltiisko-finskie narody Rossii* [Baltic-Finnish peoples of Russia]. Ed. by E. I. Klementyev, N. V. Shlygina. Moscow: Nauka Publ., 2003. 670 p. (In Russian)
15. Hiiri A. *Aika muuttuu meissä: Runoja. Runoelma*. Petroskoi: Karjala, 1992. 68 p. (In Finnish)
16. Karhu E. *Isien sanoma: tutkielma karjalaisesta ja inkeriläisestä kansanrunoudesta*. Petroskoi: VERSO, 2002. 316 p. (In Finnish)
17. Kurkki T. *Rajan kirjailijat: Venäjän Karjalan suomenkieliset kirjailijat tilan ja identiteetin kirjoittajina*. Helsinki: SKS, 2018. 436 p. (In Finnish)
18. *Satuperinteestä nykyrunoon: suullisen perinteen ja kirjallisuuden yhteyksiä*. Hämäläinen N., Karhu H., Vuorikuru S. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2019. 326 p. (In Finnish)
19. Vuorela T. *Kansanperinteen sanakirja*. Porvoo: WSOY, 1979. 543 p. (In Finnish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Казакова Мария Владимировна, доцент кафедры прибалтийско-финской филологии, Петрозаводский государственный университет (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33), кандидат филологических наук
mvk-2013@bk.ru
ORCID 0000-0002-5236-3423

ABOUT THE AUTHOR

Kazakova Maria Vladimirovna, Associate Professor, Department of Baltic-Finnish Philology, Petrozavodsk State University (185910, Russian Federation, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Lenina st., 33), Candidate of Philological Sciences.
mvk-2013@bk.ru
ORCID 0000-0002-5236-3423